

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-723-733

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
 доктор юридических наук, профессор,
 декан факультета профессиональной переподготовки
 Московского института профессионального
 образования им. К.Д. Ушинского (<https://mipo.online>),
 профессор кафедры конституционного и международного права
 ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
 (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
 e-mail: ludmilagr@mail.ru
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/P-4219-2018>
<https://scholar.google.com/citations?user=SE7TDpMAAAAJ&hl=en>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РОССИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка научного осмысления периодизации развития судебного прецедента в России с акцентом на фактическое применение судебного прецедента в российской судебной практике (применения института судебного прецедента через иные юридические механизмы, например, позиции высших судов, разъяснения, обзоры, унификация практики), с одной стороны, и неотнесения отечественной правовой доктриной и законодательством судебного прецедента к источникам права.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная практика, правоприменение, обзор судебной практики, обзоры высших судов, common law, романо-германская правовая семья.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
 Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
 of the Moscow Institute of Vocational Education
 named after K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>),
 Professor of the Department of Constitutional and International Law
 of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
 "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)",
 Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences,
 Scopus Author ID: 57224262554, Scopus Author ID: 55886571500

HISTORICAL DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRECEDENT IN RUSSIA

Annotation. The article made an attempt to scientifically comprehend the periodization of the development of judicial precedent in Russia with an emphasis on the actual application of judicial precedent in Russian judicial practice (application of the institution of judicial precedent through other legal mechanisms, for example, the positions of higher courts, explanations, reviews, unification of practice), on the one hand, and non-attribution of domestic legal doctrine and legislation of judicial precedent to sources of law.

Key words: judicial precedent, judicial practice, law enforcement, review of judicial practice, reviews of higher courts, common law, Roman-German legal family.

Российская правовая система на протяжении последних десятилетий существует де-факто в режиме «прецедент-

ности». Однако важно понимать, что предшествующая современному периоду многовековая история политико-правового устройства и госу-

дарственного управления России знала прототипы прецедентного мышления. Об этом и пойдет речь в настоящей статье.

Историю формирования и развития судостроительства и судебной системы России в аспекте применения практики судебного толкования, кодификаций, разъяснений и судебных прецедентов (их прообразов) можно условно классифицировать на несколько исторических этапов.

Этап 1. Ранний этап (до XIX века). Для ранней российской государственности и права характерны обычай, княжеские уставы, позднее – кодификации (Русская Правда, уставные грамоты городов, Судебники, Соборное уложение 1649 г.), где пространство для «прецедента» безусловно было (прецедентность по своей природе была канцелярско-административной, а не судебно-институциональной), однако не институционализировалось: решения отдельных судов не образовывали обязательного правила для других судов. До XIX века в России не складывается доктрина судебного прецедента в современном смысле «обязательного правила, выведенного из решения суда и воспроизводимого судами как источник права».

Судебные решения как таковые не признавались самостоятельным источником права и не образовывали формально обязательного правила для иных судов и иных дел; сама система правосудия оставалась тесно связанной с административной властью и не имела развитых механизмов «*stare decisis*». При этом практическая потребность в единообразии порождала прецедентоподобные формы: казуистическую технику норм (когда законодатель фиксирует определенный типовой казус, сформированный судебной практикой), а также канцелярскую фиксацию и тиражирование образцов разрешения дел через «выписки из указов» и «указные книги» приказов, где прошлые решения/распоряжения служили ориентиром для принятия новых решений в сходных ситуациях.

Этап 2. Имперский (особенно – после реформы 1864 г.). Судебная реформа 1864 г. закрепила за Правительствующим Сенатом роль верховной кассации, которая «наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением». Это стало важной институциональной базой для прецедента толкования: кассационная инстанция не «творит право», но унифицирует (толкует) его смысл. На данном этапе появляется то, что можно назвать «прототипом прецедентного мышления»: кассационные решения Сената (в логике единообразия) фактически становились ориентирами для нижестоящих судов. Это еще не *stare decisis*, но уже централизация толкования и «воспроизводимость» правовых подходов.

Судебный прецедент не был признан формально, но потребность в единообразии заставляет судебную систему Российской Империи использовать решения высшей инстанции как модель-образец для принятия решений нижестоящими инстанциями. Начиная с Судебной реформы 20 ноября 1864 г. появляется институциональная конструкция, которая порождает «прецедентное мышление»: единый Верховный кассационный суд, отделенный от рассмотрения дела по существу и наделенный миссией обеспечивать точный смысл закона и единообразие его применения.

«Учреждение судебных установлений» прямо фиксирует место Сената в новой системе: он включен в перечень судебных установлений «в качестве Верховного кассационного суда». Здесь важно не просто «верховенство», а важная функциональная роль кассации. В тексте закреплено, что Сенат, не решая дела по существу, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судами империи. Это важно для исторического понимания прообраза «прецедентности»: когда высшая инстанция отвечает не за факты и справедливость казуса, а за правовой смысл и единый стандарт, ее решения объективно превращаются в «модель», которую выгодно воспроизводить.

Далее сенатские кассационные решения начинают восприниматься как «разъясняющие» и тиражируются в специальных сборниках, то есть превращаются в канал стабильного «повторяемого смысла» (по сути – это и есть прототип прецедента), например, издания Судебных уставов с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Сената. После 1864 г. толкование законов становится одной из обязательных функций Сената, формируются «акты толкования» действующего законодательства.

Этап 3. Советский («нормативность без признания»). Официальная доктрина отрицала прецедент как источник советского права, но государству нужен был единый смысл нормы (ее толкования). Поэтому важное значение в СССР имели руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. В материалах и учебной литературе того времени фиксируется тезис об обязательности руководящих разъяснений для применителей закона. По сути, это прецедент толкования, легитимированный идеологически как «обеспечение социалистической законности».

Необходимо различать два уровня: как советская доктрина описывала «руководящие разъяснения» (как толкование, а не как правотворчество) и как они реально работали в правовой системе (как централизованный квазинормативный регулятор судебной практики). Пленум Верховного Суда СССР принимал постановления «по

вопросам судебной практики»: обобщал дела, выявлял типичные ошибки и формулировал «линии» правильного применения закона. Это делалось не через решения по конкретному спору (не прецедент), а через абстрактные директивные позиции для массового применения. Пленум Верховного Суда СССР был инструментом единообразия в сверхцентрализованной советской системе, где расхождения судебной практики по всем союзным республикам воспринимались как угроза «социалистической законности».

В позднесоветский период обязательность руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР была закреплена прямо законом: ст. 3 Закона СССР от 30.11.1979 «О Верховном Суде СССР» устанавливала, что Верховный Суд СССР дает руководящие разъяснения, и они обязательны не только для судов, но и для других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Если судебный акт обязателен для неопределенного круга правоприменителей, он по факту работает как норма поведения (выделено нами. Л.Г.), даже если называется такой акт «толкованием». В научной литературе это описывается как особая форма судебного правотворчества/квазиисточник.

Пленум Верховного Суда СССР задавал единый стандарт для тысяч судов всех союзных республик. Это был, образно выражаясь, «механизм сборки» правовой системы в условиях: общей «рамочности» многих норм, сильной зависимости права от текущих задач государства, отсутствия независимого прецедента как формального источника. Кроме того, разъяснения Пленума Верховного Суда СССР заполняли пробелы и конкретизировали «расплывчатость» правовых норм (де-факто это было нормотворчеством). Самый показательный эффект - когда разъяснение добавляло новое правило, которого нет в исходном нормативном правовом акте. Например, разъяснения Пленума Верховного Суда СССР по жилищным спорам фактически вводили обязанность сначала пытаться организовать размен жилья перед выселением, хотя соответствующее постановление 1937 г. такого способа не предусматривало; тем не менее, это правило широко применялось судами [1].

Постановления Пленума Верховного Суда СССР де-факто были «каналом трансляции» государственной политики в судебные решения советских судов [2]. Постановления Пленума Верховного Суда СССР часто писались языком «задач», «укрепления законности», «борьбы с опасными проявлениями» и т.п. Они повышали предсказуемость для советской системы власти: суды получали определенные сигналы, какие ошибки считать грубыми, а какие подходы – «правильными».

Кроме того, Пленум Верховного Суда СССР задавал требования к структуре и содержанию судебных актов - фактически стандарты качества судебных решений. Это постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.06.1969 г. № 4 «О судебном приговоре» [3] прямо описывает приговор как политически и воспитательно значимый акт и фиксирует типовые дефекты: поверхностное разбирательство, неправильная оценка доказательств, «механическое перенесение» обвинительного заключения в приговор вместо анализа доказательств и мотивировки. Данный Пленум не просто повторял нормы УПК СССР, но задавал проверяемый правовой стандарт того, как суд обязан обосновывать выводы в своих судебных актах - и этим дисциплинировал судебную практику [4].

Второй пример – Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.04.1984 г. № 4 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера» [5]. Пленум разъясняет условия и процессуальные гарантии: необходимость всестороннего и объективного исследования обстоятельств, критерий «опасности для общества», категории лиц, обязательность защитника, требования к доказыванию факта деяния и т.д. Суды получали единый «алгоритм» применения сложного института на стыке уголовного и медицинского регулирования [5].

В научном анализе прямо отмечается, что советское законодательство (в т.ч., Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР» [7]) институционально закрепило роль Пленума как органа, чьи позиции функционировали как особый источник регулирования, при сохранении доктринального отрицания прецедента. Именно этот Закон институционально закрепил «руководящие разъяснения» Пленума Верховного Суда СССР как обязательные для правоприменителей. Согласно ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР», Пленум дает руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства, и что эти разъяснения обязательны для судов, а также для других органов и должностных лиц, применяющих соответствующий закон; также закреплён контроль Верховного Суда СССР за их выполнением [8].

С одной стороны, в СССР доминировала позиция: в советском праве «нет места судебному прецеденту», а признание судебной практики источником права якобы противоречит верховенству закона и подзаконности судебной деятельности (например, С.И. Вильнянский, А.Я. Вышинский, С.А. Голунский, В.И. Каминская, М.С. Строгович, И.С. Тишкевич, М.Д. Шаргородский). С другой стороны, уже в 1940-1950 гг. советскими учеными обсуждалась мысль, что руководящие

разъяснения Пленума Верховного Суда СССР – это оригинальная форма обеспечения единообразия и фактически обладают «особой природой» (например, М.М. Исаев, С.В. Кечекьян, П.Е. Орловский). В советской науке обсуждалась коллизия: единообразие требовало общеобязательных ориентиров для судов, но доктрина, в то же время, официально отрицала судебный прецедент и судебное правотворчество. Поэтому разъяснения Пленума Верховного Суда РФ описывали как не-прецедент, но при этом признавали, что они фактически работают как квази-нормативный регулятор (через обобщение практики, конкретизацию нормы, закрытие пробелов).

Например, П.Е. Орловский (1940 г.) писал о выводах и обобщениях Верховного Суда СССР как о феномене, который приобретает руководящее обязательное значение для судов и потому фактически тянет на источник регулирования: «судебная практика приобретает руководящее обязательное значение... и... является источником советского гражданского права» [9]. С.Ф. Кечекьян (1946 г.) допускал, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР восполняют действующее право (то есть делают больше, чем простое «пояснение текста»): в научной полемике этот тезис использовался как аргумент в пользу признания постановлений Пленума Верховного Суда СССР источником (или, как минимум, источником особого типа) [10]. М.М. Исаев (1947 г.) прямо ставил вопрос о судебной практике Пленума Верховного Суда СССР как об источнике советского уголовного права (именно через механизм обобщения и придания обязательных ориентиров) [11].

По мнению С.И. Вильнянского (1947 г.), одна из самых «чистых» формулировок идеи особого источника – это судебная практика, создавая устойчивые правоположения, выступает источником положительного права, «но... особого рода» [12]. Таким образом, разъяснение Пленума Верховного Суда СССР превращает «общую» норму в операциональное правило (критерии, пределы, алгоритм квалификации), что и создает эффект нормативности. В.И. Каминская (1948 г.) акцентировала нормативно-обязывающий характер разъяснений: толкование в руководящих указаниях способно работать как общеобязательный ориентир, приближаясь к подзаконному нормативному регулированию [13]. По мнению М.Д. Шаргородского (1948 г.), на практике Пленум Верховного Суда СССР иногда «создает новые нормы» (то есть действует как правотворец), оценивая это критически как риск выхода за пределы полномочий; но одновременно сама постановка вопроса у него построена вокруг признания фактической нормативной силы разъяснений [14].

Другие ученые отрицали «источниковую» природу судебного прецедента. С.А. Голунский и М.С. Строгович (1940 г.) не признавали судебную практику источником права, поскольку такое признание означало бы, что судьи «создают право», т.е. становятся законодателями, что доктринально неприемлемо; разъяснения Пленума Верховного Суда СССР допустимы лишь как средство устранения ошибок и обеспечения единообразия внутри закона [15]. По мнению А.Я. Вышинского (1941 г.), «советский суд не создает нового права. Советские судьи – не законодатели» [16]. И.С. Тишкевич (1955 г.) аргументировал, что судебное толкование по своей природе не должно создавать новых правил, а потому руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР нельзя квалифицировать как подзаконные нормативные акты/источник права (они должны оставаться в статусе разъяснения для правильного применения) [17].

Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР стал институтом «централизованного нормативного толкования», который выполнял роль «быстрого регулятора» там, где закон: слишком общий и требует конкретизации критериев; содержит пробелы/конфликты; нуждается в унификации практики без формального признания прецедента. Именно поэтому в дискуссии 1940-1950-х гг., с одной стороны, отрицали судебный прецедент (идеологически), с другой стороны, описывали его как особый источник права [18].

Таким образом, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР были центральным механизмом управляемой унификации права, обеспечивая единообразие, закрывая законодательные пробелы, стандартизируя мотивировку и фактически позволяли «быстро дописать» право без изменения нормы закона. Формально их пытались удерживать в рамке толкования; фактически – это был квазинормативный контур советской правовой системы.

Этап 4. 1990-е–2010-е: «конституционная прецедентность». С появлением современной конституционной юстиции (с принятием Конституции РФ 1993 г.) возникает качественно иной продукт – правовая позиция. Решения Конституционного Суда РФ обязательны для всех органов и судов на всей территории России. Это означает, что если Конституционный Суд РФ вывел конституционно-правовой смысл нормы, то суд общей юрисдикции, арбитражный суд не вправе применять норму иначе (в противном случае это будет не просто «ошибка толкования», а конституционный дефект правоприменения). Параллельно Верховный Суд РФ получает конституционно закрепленную функцию давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции

РФ). А «каркас» для этой функции разворачивается в российском законодательстве о судебной системе. Де-факто пленумы и обзоры Верховного Суда РФ стали представлять собой прецеденты толкования норм законодательства (какие правовые стандарты обязаны воспроизводиться, даже если текст закона это прямо не определяет).

До реформы 2014 г. российская судебная система фактически имела две «высшие инстанции», каждая из которых обслуживала свой массив отношений и что принципиально - формировала собственный массив правовых ориентиров, во главе этих «высших инстанций» были, соответственно: Верховный Суд РФ как общая юрисдикция (уголовные, гражданские, административные, значительная часть публично-правовых споров) и Высший Арбитражный Суд РФ. Хотя в отечественной доктрине сохранялась установка на континентальную модель («закон как источник права»), на практике обе вершины российской судебной системы (Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ до 2014 г.) системно развивали «прецедентность» российской судебной системы, но не через классический *case law*, а через инструменты унификации и направления судебной практики толкования норм права.

Арбитражная юстиция в России на данном этапе была наиболее восприимчивой к фактической «судебной прецедентности» по нескольким причинам.

Во-первых, потребность бизнеса в прогнозируемости. Коммерческий оборот не терпит правовой неопределенности: цена ошибки конвертируется в убытки, сорванные сделки, рост транзакционных издержек. Поэтому правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ становились важными для бизнеса ориентирами, которые снижали неопределенность (участники рынка могли заранее оценивать вероятность исхода спора и корректировать поведение).

Во-вторых, повторяемость типовых ситуаций. В арбитраже много повторяющихся (в т.ч., договорных) конструкций: поставка, подряд, аренда, корпоративные конфликты, банкротство, налоги. Как только Высший Арбитражный Суд РФ трактовал, разъяснял типовую проблему своей четкой и аргументированной правовой позицией, она превращалась в де-факто стандарт для тысяч схожих кейсов.

В-третьих, институциональная культура арбитража. Арбитражная система исторически культивировала рационализацию судебной практики (ее структурированность, внимание к экономическим последствиям решений и т.д.), что делало правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ не просто «мнениями», а де-факто —

порождало важный судебный прецедент по тому или иному делу, закрывающий собой «лакуны» действующего законодательства.

В-четвертых, де-факто нормативный стабилизирующий эффект. Хотя формально правовые позиции не были источником права, фактически они приобретали свойства квазинормы: на них ориентировались суды, на них ссылались государственные органы и крупные участники рынка (бизнес), они становились «общим языком» юридической коммуникации.

Именно поэтому правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ часто работали как стандарты поведения для судей всех нижестоящих инстанций. В этом смысле арбитражная «прецедентность» в России была де-факто, и это, на наш взгляд, как инфраструктура предсказуемости и стабильности для бизнеса, укрепляло экономические отношения. Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен в ходе судебной реформы 2014 г. (Практически «наследником» компетенции ВАС РФ внутри ВС РФ стала Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ) (Верховный Суд РФ согласно Федеральному конституционному закону от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» стал высшим судебным органом, в том числе, по делам по разрешению экономических споров), а высокая квалификация арбитражных судей и накопленный арбитражем серьезный опыт Высшего Арбитражного Суда РФ был «растворен» в судебной системе. К сожалению, фактически был потерян специализированный высший центр экономического правосудия в России и произошла его замена более общей (и более многофункциональной) системой судов, возглавляемых Верховным Судом РФ. После упразднения ВАС РФ исчез Президиум ВАС РФ как орган, который именно формировал единообразие и вектор судебной практики, а не только «исправлял ошибки». В экспертной критике указывается, что позиции Экономической коллегии ВС РФ долго воспринимались как менее «обязательные» для нижестоящих судов, а рычагов для быстрого выравнивания практики меньше.

Этап 5. После 2020 г. (суверенизация и усиление внутренней прецедентности). После прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы (16 марта 2022 г.) и прекращения статуса стороны ЕКПЧ (16 сентября 2022 г.) внешняя «европейская прецедентность» (ЕСПЧ) перестает быть текущим источником ориентирования для российского судопроизводства. Это объективно усилило роль Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Таким образом, российская система в последние годы (с 2022 г.) становится

еще более «самореферентной»: когда внутренние правовые позиции (Конституционный Суд РФ) и позиции толкования (обзоры Верховного Суда РФ) фактически закрывают «вакуум» внешних (международных) стандартов.

По мнению Н.С. Бондаря, акты конституционного правосудия образуют вместе с Конституцией РФ особый вид конституционных источников права и обладают нормативно-доктринальной природой [19]; при этом Конституционный Суд РФ характеризуется как квазиправотворческий орган в том смысле, что его деятельность по результатам «сближается» с нормативно-установительной практикой (при сохранении юрисдикционной формы) [20]. Данная доктрина объясняет, почему «правовая позиция» функционирует как прецедент правовой позиции - не как факультативный аргумент, а как источник обязательного стандарта.

Конституционные правовые позиции (обзоры и разъяснения высших судов) фактически стали «ядром прецедента» в современной России, поскольку, во-первых, они обязательны для всех нижестоящих судов, во-вторых, Конституционный Суд РФ задает конституционный стандарт судебного правоприменения (пропорциональность, запрет произвольности, требования правовой определенности и т.д.), который затем механически воспроизводится в тысячах судебных дел по всей стране, в-третьих, судами часто используется т.н. техника «конституционно-правового смысла»: конкретная норма закона применяется только в «конституционном» прочтении - это и есть чистая форма прецедента правовой позиции в континентальной системе.

Если в обычной судебной вертикали «прецедентность» часто держится на фактическом авторитете высшей инстанции и институтах обзоров/разъяснений, то у Конституционного Суда РФ она опирается на прямую конституционную и законную конструкцию обязательности. Важно понимать, что обязательным становится не весь текст обзора/разъяснения решения Конституционного Суда РФ, а смысловое ядро, которое обеспечивает вывод в резолютивной части. Сам Конституционный Суд РФ прямо привязал правовую позицию к мотивировке, содержащей толкование конституционных норм или выявление конституционного смысла закона, и подчеркнул её обязательность. Например, в определении Конституционного Суда РФ от 08.10.1998 г. № 118-О [21] указано, что положения мотивировочной части, содержащие такое толкование/выявление смысла, «отражают правовую позицию... и также носят обязательный характер». Обязательность решений Конституционного Суда РФ охватывает не только резолютивную часть, но и те положения мотивировочной части, которые толкуют конститу-

ционные нормы или выявляют конституционно-правовой смысл закона, и при этом служат основанием выводов, закреплённых в резолютивной части. Именно они «отражают правовую позицию... и также носят обязательный характер» [22].

В своем определении № 118-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы Л.А. Головановой именно потому, что по предмету жалобы уже было вынесено постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова», сохраняющее свою силу.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 06.06.1995 г. № 7-П [23] суд сделал типичное для конституционного контроля толкование нормы, с одной стороны, как увольнение по выслуге лет по инициативе сотрудника или с его согласия, с другой стороны, если правоприменитель понимает норму как позволяющую увольнение по инициативе руководителя без согласия и без проверяемого судом обоснования причин.

Формально определение или постановление Пленума Верховного Суда РФ является по своей природе актом разъяснения, оно не является законом и не должно «создавать норму», но по факту Пленум Верховного Суда РФ закрепляет юридические условия применения нормы в форме перечня конкретных признаков, устанавливает презумпции и распределяет бремя доказывания, уточняет границы усмотрения суда (когда и как можно/нельзя трактовать ту или иную норму закона, если напрямую ее применить нельзя, например). Иными словами, в современной России Пленум Верховного Суда РФ работает как интерпретационный регламент для всей судебной системы: суды не столько «понимают» и трактуют норму закона, сколько получают алгоритм ее применения, сформулированный высшей инстанцией. Это и есть управленческая функция: превращение неопределенности в воспроизводимое решение. Недавний пример тому – определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 по делу Долиной – Лурье [24], которое поставило точку в многолетнем судебном споре и стало важным вектором поворота судебной практики в сторону защиты добросовестных приобретателей недвижимого имущества.

Если Пленум Верховного Суда РФ действует «сверху вниз» (вертикальное воздействие), как обязательный регламент для нижестоящих судов, то обзоры судебной практики Верховного Суда РФ работают как «горизонтальное регулирование», где фиксируются приоритеты, демонстрируется типология судебных решений, транслируются и

объясняются правовые позиции по тому или иному судебному делу, фактически задаются границы допустимого отклонения в рамках принятия судебного решения.

Напомним, что формально Обзор судебной практики Верховного Суда РФ не является нормативным актом, но де-факто он является *soft law* для нижестоящих судов: его применение в конкретных судебных делах, как правило, снижает риск отмены вынесенного судьей судебного решения (приговора), упрощает аргументацию мотивировочной части судебного акта. Поэтому обзоры судебной практики Верховного Суда РФ становятся для судей при вынесении решений важными ориентирами; судья, который идет против Обзора судебной практики Верховного Суда РФ, должен быть готов объяснить, почему он это сделал и должен быть готов к отмене вышестоящей инстанцией вынесенного им судебного решения (что, кстати говоря, сказывается на судебной карьере судьи – процент отмененных судебных решений).

Таким образом, пленумы и обзоры Верховного Суда РФ выполняют четыре важные управленческие функции: во-первых, функцию стандартизации (превращают оценочные понятия в критерии и ориентиры для нижестоящих судов), во-вторых, функцию синхронизации (согласуют разные отрасли и режимы, будь то частное/публичное; материальное/процессуальное), в-третьих, функцию дисциплинирования (выравнивают практику нижестоящих судов через предсказуемые «правильные ответы»), в-четвертых, функцию снижения транзакционных издержек (делают исходы более прогнозируемыми для государства, бизнеса и граждан).

До 2022 г. решения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) выступали важным ориентиром прецедентных стандартов (особенно – по уголовному процессу, условиям содержания, свободе выражения мнения и т.д.). ЕСПЧ работал для российской правовой системы как внешняя «высшая инстанция» (разумеется, не по иерархии национальных судов, а по логике обязательных международных минимальных требований к государству. Решения, выносимые ЕСПЧ, давали не просто ответы по конкретным делам, а некие «прецедентные матрицы», т.е. решения, основанные на международном общепризнанном праве, которые «врастали» в национальную судебную практику правоприменения и толкования (через позиции высших судов, пересмотр дел и т.д.). С 16 марта 2022 г. Россия была исключена из Совета Европы, а с 16 сентября 2022 г. перестала быть стороной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ).

Поправки в Конституцию РФ 2020 г. юридически оформили неприменение российской пра-

вовой системой международных нормативно-правовых стандартов, актов и соглашений (в случае их несовместимости с российской конституционной моделью), и практика международных органов перестала восприниматься российским правоприменителем как источник обязательных правовых стандартов. Согласно ст. 79 Конституции РФ Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя России. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в России.

Это важно для понимания исторического развития «внешнего прецедента» в современной российской правовой системе: конституционный текст (ст. 79) фактически устанавливает, что международное решение как стандарт может и не применяться в России, если противоречит конституционному законодательству России, а может применяться, если не противоречит (такое решение принимают российские органы государственной власти). Таким образом, российская правовая система становится «закрытой» для международного права и более вертикально управляемой действующей государственной властью.

В результате у судов появляется основание занимать позицию: мы учитываем международные акты, но решаем сами (выделено нами. – Л.Г.), в пределах российского конституционного приоритета. И это уже не частный эпизод, а конституционная реальность последних лет.

29 декабря 2025 г. был принят Федеральный конституционный закон от 29.12.2025 № 8-ФКЗ «О внесении изменения в статью 6 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”» [25]; он закрепил правило о неисполнении, в том числе, постановлений судов иностранных государств, наделенных уголовно-процессуальными полномочиями другими государствами без участия РФ, а также неисполнений решений международных судебных органов, если их компетенция не основана на международном договоре с РФ или на резолюции Совета Безопасности ООН (глава VII Устава ООН) [26].

Представляется, что в ближайшие годы в России будет продолжен курс на дальнейшую институционализацию управляемой прецедентности. В российском контексте это означает не признание судебного прецедента источником права в доктринально-формальном статусе (это потребо-

вало бы правовой дискуссии и широкого научного обсуждения признания де-юре того, что опосредованно существует де-факто), а усиление позиции высших судебных органов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) в аспекте централизации управляемости власти.

Напомним, что в англосаксонской традиции центральна идея обязательности судебного решения по делу как источника нормы (*ratio decidendi*), фиксируемой в судебном акте и подлежащей воспроизведению. Российская эволюция идет по другому пути: объектом становится не судебное решение как таковое, а стандарт применения нормы, оформляемый в виде: а) правовых позиций высших судебных инстанций по типовым категориям споров б) обзоров судебной практики как механизма структурирования подходов, в) разъяснений, которые задают ориентиры доказывания и границы судейского усмотрения. Классический *judicial precedent* (*common law*) предполагает обязательность *ratio decidendi* для последующих аналогичных дел (*stare decisis*). Российская же правовая традиция – континентальная, в ней первичен закон, а судебная практика исторически рассматривается, во-первых, как толкование и конкретизация нормы, во-вторых, как унификация правоприменения, в третьи, в отдельных сегментах – как квази-нормативный регулятор (через правовые позиции высших судов). Поэтому, на наш взгляд, корректнее говорить о развитии практики управляемого «прецедента толкования» и «прецедента правовой позиции» (особенно – конституционного), а не о прецеденте как самостоятельном источнике права в английском смысле. Ни «прецедент толкования», ни «прецедент правовой позиции» не являются для России заимствованием из английского общего права (*common law*). Это собственная (и довольно старая) технология управления единообразием правоприменения, просто исторически она маскировалась под «разъяснения», «обобщения», «толкование закона» и «конституционно-правовой смысл», чтобы не вступать в прямой конфликт с доктриной примата закона.

Прецедент толкования представляет собой судебный акт, который задает устойчивое понимание нормы (как читать текст), но формально не создаёт новую норму. В российской традиции он почти всегда вертикален: «верх» объясняет «низу», как понимать закон.

Прецедент правовой позиции (особенно – конституционной) – это не просто толкование текста, а готовая нормативно-значимая конструкция (*ratio decidendi*): тест, стандарт, балансировка принципов, критерии пропорциональности, допустимые ограничения, позитивные обязанности государства и т.п.

Итак, подведем некоторые итоги исследования.

Во-первых, 2014–2020 гг. можно описать как исторический период, когда в российском порядке окончательно закрепилось «право высших судов». Речь идет не о формальном переходе к прецедентной системе в России, а о практическом признании (и принятии на уровне научного осмысления и доктрины) того, что при высокой динамике правового и судебного регулирования, множественности источников и неоднородности судебных дел одного текста закона может быть недостаточно для единообразного и предсказуемого правоприменения. После ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ (2014 г.) произошло не просто организационное объединение, а «концентрация судебного суверенитета» (выделено нами. Л.Г.), когда Верховный Суд РФ получил право регулировать, согласовывать разнородные массивы споров (экономика, публичное право, социальные конфликты, уголовная репрессия) и удерживать их в единой правовой логике (формируя вектор правоприменения).

Во-вторых, по мнению автора статьи, российская система существует в режиме «судебного прецедента без признания», что представляет собой своего рода политико-правовой компромисс развития российской правовой системы. Признать судебный прецедент источником права означает пересмотр доктрины разделения властей и нормотворчества, что в современных политико-правовых реалиях не входит в ключевые интересы действующей власти. Гораздо удобнее управлять судебной практикой через понятие «толкования права», сохраняя при этом закрепленную в Конституции РФ систему разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, придерживаясь традиционной (в отечественной доктрине) романо-германской правовой семьи.

В-третьих, можно говорить, на наш взгляд, об иерархии «управляемого судебного прецедента», когда формально источником остается закон, но правовые позиции высших российских судов фактически выполняют функцию «снижения неопределенности» и единообразия в судебной системе. В российской практике действительно просматриваются три уровня прецедентности, различающиеся юридической силой (конституционный прецедент), механизмом распространения (вертикальная прецедентность высших судов) и санкцией за отклонение. Итак, в российском праве фактически действуют три уровня прецедентности:

- Конституционный прецедент: правовые позиции и решения Конституционного Суда РФ как обязательные ориентиры, закреплён-

ные юридической силой решений Конституционного Суда РФ.

- Вертикальная прецедентность высших судов: правовые позиции Верховного Суда РФ по конкретным категориям дел, его обзоры, практика работы коллегий как механизм единообразия и унификации.
- Мягкая прецедентность: кассации/апелляции, типовые судебные решения, которые де-факто копируются нижестоящими судами для предсказуемости судебных решений, и от которых не рекомендуется отклоняться.

Список литературы:

- [1] Апт Л. Ф. Понятийный аппарат судебной практики : учеб. пособие. — М. : РГУП, 2016. — 108 с. — URL: https://op.raij.ru/pdf/apt_pon_apparat.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
- [2] О Верховном Суде СССР : Закон СССР от 30 нояб. 1979 г. № 1161-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842. — URL: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1865> (дата обращения: 09.01.2026).
- [3] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 (ред. от 27 июля 1990 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=50445&moduleId=7> (дата обращения: 09.01.2026).
- [4] О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР (редакционная статья) // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 13–21.
- [5] О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апр. 1984 г. № 4 (ред. от 01 нояб. 1985 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112076/ (дата обращения: 09.01.2026).
- [6] Корнев А. В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфическая форма судебного правотворчества в России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 22–29. — URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/downloadfile/2d8a5fd3-160a-eb11-a9df-00155d1fba32/> (дата обращения: 09.01.2026).
- [7] О Верховном Суде СССР: Закон СССР от 30 нояб. 1979 г. № 1161-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842.
- [8] Пугачев А. Н. Судебная практика как источник права: советский и постсоветский периоды [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-prava-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody> (дата обращения: 09.01.2026).
- [9] Орловский П.Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 91–97.
- [10] Кечежян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 116: Труды юридического факультета. Кн. 2. М., 1946. С. 3–25.
- [11] Исаев М.М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВЮОН. М., 1947. Вып. 5. С. 73–88.
- [12] Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВЮОН. М., 1947. Вып. 9. С. 239–290.
- [13] Каминская В.И. Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 33–44.
- [14] Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М.: Госюриздат, 1948. 311 с.
- [15] Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 304 с.
- [16] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
- [17] Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права? // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 29–36.
- [18] Корнев А.В. Правоприменительные и правотворческие аспекты правосудия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1.
- [19] Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1). М.: Формула права, 2012. 106 с. С. 62 [Электронный ресурс]. URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n1_sait.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
- [20] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. 2-е изд., доп.). М.: Юрист, 2014. 184 с. С. 84 [Электронный ресурс]. URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n2_sait.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
- [21] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.10.1998 № 118-О «По жалобе гражданки Головановой Людмилы Александровны о нарушении ее конституционных прав положением абзаца 1 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР “О милиции”» // СПС «Контур. Норматив» (дата обращения: 09.01.2026).

[22] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=68293&moduleId=7>

[23] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06.1995 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года “О милиции” в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 24. Ст. 2342.

[24] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 (дело Долиной Л.А. — Лурье П.А.) [Электронный ресурс] // Российская газета. Документы. — 18.12.2025. — URL: <https://rg.ru/documents/2025/12/18/opredelenie-vs-rf-dolina-lure-site-dok.html> (дата обращения: 12.01.2026).

[25] Федеральный конституционный закон от 29.12.2025 г. № 8-ФКЗ «О внесении изменения в статью 6 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Номер опубликования: 0001202512290002. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290002> (дата обращения: 09.01.2026). (publication.pravo.gov.ru)

[26] Гончарук Д. Путин подписал закон о неисполнении в России решений иностранных уголовных судов [Электронный ресурс] // Российская газета. 29.12.2025. URL: <https://rg.ru/2025/12/29/putin-podpisal-zakon-o-neispolnenii-v-rossii-reshenij-inostrannyh-ugolovnyh-sudov.html> (дата обращения: 09.01.2026). (Российская газета).

References:

[1] Apt L. F. Conceptual apparatus of judicial practice: textbook. - M.: RGUP, 2016. - 108 p. - URL: https://op.raj.ru/pdf/apt_pon_apparat.pdf (access date: 09.01.2026).

[2] On the Supreme Court of the USSR: Law of the USSR of November 30. 1979 No. 1161-X//Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1979. № 49. Art. 842. - URL: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1865> (access date: 09.01.2026).

[3] On the court verdict: decision of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of June 30, 1969 No. 4 (ed. July 27, 1990) [Electronic resource]. - URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=50445&moduleId=7> (access date: 09.01.2026).

[4] On the legal nature of the guidelines of the Plenum of the Supreme Court of the USSR (editorial) //Soviet state and law. 1956. № 8. S. 13-21.

[5] On judicial practice on the application, modification and abolition of compulsory medical measures: Resolution of the Plenum of the Supreme Court

of the USSR of April 26, 1984 No. 4 (as amended on November 01. 1985) [Electronic Resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112076/ (access date: 09.01.2026).

[6] Kornev A. V. Explanations of the plenums of the highest courts on judicial practice as a specific form of judicial jurisprudence in Russia//Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2014. № 1. S. 22-29. - URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/downloadfile/2d8a5fd3-160a-eb11-a9df-00155d1fba32/> (access date: 09.01.2026).

[7] On the Supreme Court of the USSR: Law of the USSR of November 30. 1979 No. 1161-X//Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1979. № 49. Art. 842.

[8] Pugachev A.N. Judicial practice as a source of law: Soviet and post-Soviet periods [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-prava-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody> (дата обращения: 09.01.2026).

[9] P.E. Orlovsky. The importance of judicial practice in the development of Soviet civil law//Soviet state and law. 1940. № 8–9. S. 91-97.

[10] Kechekyan S.F. On the concept of a source of law//Scientific notes of Moscow State University. No. 116: Proceedings of the Faculty of Law. Kn. 2. M., 1946. S. 3-25.

[11] Isaev M.M. Judicial practice of the Plenum of the Supreme Court of the USSR as a source of Soviet criminal law//Academic notes of VIYUN. M., 1947. No. 5. S. 73-88.

[12] Vilnyansky S.I. The importance of judicial practice in civil law//Scientific works of VIYUN. M., 1947. No. 9. S. 239-290.

[13] Kaminskaya V.I. The role of the Supreme Court of the USSR in the development of Soviet socialist law//Soviet state and law. 1948. № 6. S. 33-44.

[14] Shargorodsky M.D. Criminal Law. M.: Gosyurizdat, 1948. 311 p.

[15] Golunsky SA, Strogovich MS Theory of State and Law. M.: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1940. 304 pp.

[16] Vyshinsky A.Ya. Theory of forensic evidence in Soviet law. M.: Jurid. Publishing House of the NKYU USSR, 1941.

[17] I.S. Tishkevich. Are the guidelines of the Plenum of the Supreme Court of the USSR a source of law ?//Soviet state and law. 1955. № 6. S. 29-36.

[18] Kornev A.V. Law-enforcement and law-making aspects of justice//Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2014. № 1.

[19] Bondar N.S. Russian judicial constitutionalism: an introduction to research methodology (Series “Library of judicial constitutionalism.” No. 1). M.: Formula of Law, 2012. 106 pp. 62 [Electronic resource].

URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n1_sait.pdf (access date: 09.01.2026).

[20] Bondar N.S. Axiology of Judicial Constitutionalism: Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice ("Library of Judicial Constitutionalism" series. No. 2. 2nd ed., Add.). M.: Lawyer, 2014. 184 pp. 84 [Electronic resource]. URL: https://bond2020.ru/wp-content/uploads/2021/04/brosh_n2_sait.pdf (access date: 11.01.2026).

[21] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.10.1998 No. 118-O "On the complaint of citizen Golovanova Lyudmila Aleksandrovna about violation of her constitutional rights by the provision of paragraph 1 of part seven of Article 19 of the Law of the RSFSR "On Police" "SPS" Kontur.Norm. "(date of appeal: 09.01.2026).

[22] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?-documentId=68293&moduleId=7>

[23] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.1995 No. 7-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of the seventh Article 19 of the Law of the RSFSR of April 18, 1991 "On the Police" in connection with the

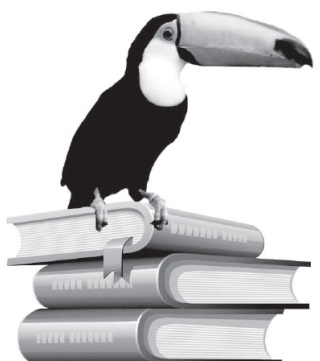
complaint of citizen V.M. Minakov "Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 24. Art. 2342.

[24] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.12.2025 No. 5-KG25-174-K2 (case of Dolina L.A. - Lurie P.A.) [Electronic Resource] // Rossiyskaya Gazeta. Documents. - 18.12.2025. - URL: <https://rg.ru/documents/2025/12/18/opredelenie-vs-rf-dolina-lure-site-dok.html> (access date: 12.01.2026).

[25] Federal Constitutional Law of 29.12.2025 No. 8-FKZ "On Amending Article 6 of the Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation"" [Electronic Resource] // Official Internet Portal of Legal Information. Publication number: 0001202512290002. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290002> (access date: 09.01.2026). (publication.pravo.gov.ru)

[26] Goncharuk D. Putin signed a law on non-execution in Russia of decisions of foreign criminal courts [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. 29.12.2025. URL: <https://rg.ru/2025/12/29/putin-podpisal-zakon-o-neispolnenii-v-rossii-reshenij-inostrannyh-ugolovnyh-sudov.html> (дата обращения: 09.01.2026). (Rossiyskaya Gazeta).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru